ЕВГЕНИЙ Н.

РОМАН

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

18+

Евгений Н

Дом, которого нет

«Автор»
2026

Н Е.

Дом, которого нет / Е. Н — «Автор», 2026

Андрей Воронцов, архивист с одиннадцатилетним стажем, получает квитанцию на двести четырнадцать тысяч рублей за квартиру, которой никогда не владел. Адрес ведёт к пустырю, которого нет ни в одном реестре, а подпись в документе совпадает с его собственной до малейшего изгиба, хотя поставлена на следующий день после его рождения, когда он ещё не мог держать ручку.Чем глубже он копает, тем яснее понимает: бумаги подтверждают друг друга надёжнее, чем его память. Дом, которого нет, хранит тех, кого перестали помнить. Чтобы вывести людей наружу, придётся заплатить тем, из чего состоишь сам.Психологический триллер о том, что остаётся от человека, когда исчезают документы и воспоминания, и о тех, кто готов подтвердить: ты существуешь.

© Н Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. КВИТАНЦИЯ 5
Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 23
ЧАСТЬ II. ЖИЛЬЦЫ 26
Глава 7 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Евгений Н
Дом, которого нет

ЧАСТЬ I. КВИТАНЦИЯ

Глава 1

Конверт лежал не в почтовом ящике, а на подоконнике между первым и вторым этажом. Кто-то достал его оттуда, прочитал адрес, понял, что ошибся подъездом, и оставил на видном месте. Так в их доме поступали с чужой почтой. Андрей Воронцов заметил его только потому, что лифт опять стоял на седьмом, а по лестнице пришлось идти пешком.

Конверт был обычный, с прозрачным окошком. В окошке значилось: «ВОРОНЦОВУ АНДРЕЮ СЕРГЕЕВИЧУ». Ниже стоял адрес, которого он не знал: Заводской проезд, дом 14, кв. 31.

Он постоял с конвертом в руке, прислушиваясь к тому, как наверху гудит и дёргается лифт. Потом решил, что почтальон снова перепутал фамилии. В их подъезде жила Воронова с четвёртого, и за три года он получил её пенсионные выписки дважды. Но имя и отчество были его, а Воронова, насколько он помнил, была Тамарой Игнатьевной.

Он положил конверт в карман куртки и пошёл дальше. На площадке пятого этажа пахло чужим супом и мокрыми зонтами. За дверью кто-то включил телевизор, и стена подъезда мелко завибрировала, как всегда по вечерам. Андрей давно перестал это замечать. Он замечал только то, что менялось.

Марина была дома. Это он понял ещё в прихожей по её ботинкам, стоящим носками к стене, а не к двери. Так она ставила их, когда приходила уставшей и хотела, чтобы никто не заметил. Он снял куртку, повесил её на крючок и тут же забыл про конверт. Вспомнил только за ужином, когда нужно было куда-то положить локоть и пришлось убрать со стола квитанцию за свет.

Ужин был макароны с курицей, купленной в магазине у метро. Готовил он. Последние месяцы они негласно разделили обязанности так, что готовкой занимался тот, кто пришёл раньше, а мытьём посуды тот, кто позже. Пока это работало. Андрей считал, что хороший брак в какой-то момент превращается в расписание, и не видел в этом ничего страшного. Марина считала иначе, но говорить об этом перестала.

Она сидела напротив, ела медленно и смотрела в телефон, который лежал экраном вверх рядом с тарелкой. Раньше она переворачивала его экраном вниз. Андрей заметил, когда это прекратилось, и отметил про себя, что либо ей больше нечего скрывать, либо скрывать уже всё равно.

— Сегодня Тихонов опять выкатил регламент, — сказал он. — Теперь каждый акт приёмки нужно сканировать в двух разрешениях. Для хранения и для просмотра. Как будто кто-то будет это просматривать.

— Угу, — сказала Марина.

— Я ему говорю: у нас три тысячи дел в очереди. Он говорит: вот и начинайте.

— Угу.

Он замолчал. За стеной в соседней квартире включилась стиральная машина и начала отжим, и на секунду посуда на столе тихонько дрогнула. Андрей достал из кармана конверт, которого там уже не должно было быть, потому что куртка висела в прихожей. Потом понял,

что переложил его в карман домашних штанов, когда переодевался. Он не помнил, как это сделал.

— Что это? — спросила Марина.

— Не знаю. Пришло какое-то уведомление. Наверное, ошибка.

Он надорвал край и вытащил два сложенных листа. Первый был сопроводительным письмом на бланке управляющей компании «Жилсервис-Восток». Второй оказался платёжным документом, разделённым пунктирной линией на две части, как делили раньше: слева «Извещение», справа «Квитанция».

Он прочитал вслух, потому что так было проще понять:

— «Уведомление о задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг. Собственник: Воронцов Андрей Сергеевич. Адрес объекта: Заводской проезд, дом 14, квартира 31. Задолженность по состоянию на двадцать пятое октября составляет…» — Он остановился.

— Сколько?

— Двести четырнадцать тысяч триста восемьдесят рублей семнадцать копеек.

Марина отложила вилку. Она сделала это аккуратно, положив её на край тарелки зубцами вниз, и Андрей, который знал её четырнадцать лет, понял, что она сделала это нарочно, чтобы руки были заняты.

— Это какая-то ошибка, — сказал он. — Там же написано: собственник. У меня никакой квартиры нет, кроме этой, и она в ипотеке.

— Дай посмотреть.

Он протянул ей листы. Она взяла не сразу. Сначала посмотрела на конверт, лежавший на столе, потом на него, и только потом на бумагу. Читала она долго. Слишком долго для двух абзацев, и глаза её не двигались по строчкам, а стояли на одном месте.

— Выбрось, — сказала она наконец.

— В смысле?

— Это рассылка. Мошенники. Сейчас такое постоянно, мама рассказывала. Присылают квитанции, люди переводят деньги на левые счета.

— Тут нет счёта для перевода. Тут есть реквизиты управляющей компании. Если это мошенники, то очень добросовестные.

— Андрей.

— Я просто говорю, что надо позвонить и выяснить.

— Завтра позвонишь, — она встала и понесла свою тарелку к раковине, хотя не доела. — Или не звони. Выбрось, и всё. Какая разница.

Она включила воду. Он смотрел ей в спину, на серую домашнюю кофту с растянутыми рукавами, и думал о том, что за четырнадцать лет не слышал от неё слов «какая разница» ни разу. Она не была равнодушным человеком. Она была упрямым и въедливым человеком, который довёл до слёз двух сантехников и одного участкового. Она не выбросила бы чужую квитанцию на двести тысяч, не выяснив, откуда она взялась.

Он решил, что она устала и что у неё что-то на работе, и не стал спрашивать. Он не спрашивал уже довольно давно. Это тоже входило в расписание.

* * *

Они легли в одиннадцать. Марина уснула быстро, повернувшись лицом к стене, и дышала так ровно, что он не мог понять, спит она или только изображает. Он лежал, слушая дом.

Дом был типовой, девятиэтажный, панельный, 1986 года постройки, и по ночам разговаривал. Андрей знал его голоса так же хорошо, как свои собственные привычки. Тонкий звон труб в стояке, когда кто-то сверху набирал воду. Щелчок и долгое низкое гудение лифта, кото-

рый ехал, кажется, всегда один и тот же, хотя в подъезде их было два. Глухие шаги над головой, где жил студент, возвращавшийся за полночь. Иногда на лестничной клетке хлопала дверь, и по всей вертикали подъезда, от подвала до чердака, проходила короткая дрожь.

Он лежал и думал о квитанции. Не о сумме, суммы он не боялся. Любая ошибка рано или поздно исправлялась, и он знал это лучше многих. Всю взрослую жизнь он имел дело с бумагой, в которой ошибки жили десятилетиями, а потом кто-нибудь приходил, находил и вычёркивал. Его пугала не ошибка, а точность. Фамилия, имя, отчество написаны правильно. Это ещё можно было объяснить совпадением, всё-таки Воронцовых Андреев Сергеевичей в городе наберётся десяток. Но он не мог отделаться от ощущения, что бумага была адресована именно ему, как бывает адресовано письмо, в котором тебя называют по детскому прозвищу.

В половине двенадцатого он встал. Марина не пошевелилась. Он взял со стола конверт, прошёл на кухню, не включая верхний свет, зажёг только лампу над плитой и разложил листы на клеёнке.

Сначала он прочитал сопроводительное письмо, как читал бы любой документ на работе: сверху вниз, не пропуская реквизитов. Исходящий номер, дата, подпись. Подпись принадлежала начальнику абонентского отдела Л. Р. Гайнутдиновой и выглядела так, как выглядят подписи людей, которые подписывают по сто бумаг в день. Печать была круглая, синяя, чуть смазанная по краю. Бумага пахла типографской краской и слегка пылью.

Он перешёл к квитанции.

Лицевой счёт 0003114-7. Площадь помещения: 47,3 кв. м. Количество зарегистрированных: 0. Тариф, нормативы, перерасчёты, пени. Всё как положено, и всё, как ни странно, сходилось. Он взял с подоконника калькулятор Марины, подсчитал основные строки, и итог совпал до копейки. Тот, кто готовил этот документ, не ошибался в арифметике. Мошенники так не делают. Они в принципе не заморачиваются.

Графа «Период задолженности» ему не понравилась. Там было написано: «с 03.1990».

Он перечитал дважды, потом встал, налил воды из чайника и выпил, стоя у окна.

За окном был двор. Мокрый асфальт, двенадцать машин вдоль бордюра, фонарь, у которого уже год перегорала одна из двух ламп и вместо ровного жёлтого пятна получался неровный, как после удара. Дождь кончился час назад, но в луже у мусорных баков ещё дрожали круги от капель, падающих с козырька подъезда.

Март тысяча девятьсот девяностого. Он родился двенадцатого марта девяностого года. В Саратове, в роддоме на Московской, о чём ему рассказывала мать, а он, как и всё, что относилось к самому раннему времени, принимал это на веру. Никаких собственных воспоминаний у него об этом, конечно, не было. Он не помнил и позднего детства: ни школы, ни двора, ни лица воспитательницы в детском саду. Врач, к которому он ходил в двадцать лет, назвал это «защитной амнезией» и сказал, что у людей, переживших в раннем возрасте сильный стресс, такое бывает. Андрей кивнул. Тогда это казалось ему неважным. Многие люди не помнят детство. Кто-то не помнит и взрослую жизнь.

Он вернулся к столу.

Задолженность с марта девяносто четвёртого года, за которой тянулся хвост пеней длиной в тридцать два года. Объект введён в эксплуатацию в тысяча девятьсот шестьдесят втором. Квартира тридцать один. Заводской проезд.

Он знал, где находится Заводской проезд. Это была окраина, дальний район на юго-востоке, мимо которого он ехал несколько раз в жизни, когда по ошибке садился не на тот автобус. Там тянулись бетонные заборы, склады, какие-то гаражные кооперативы и два новых жилых квартала с красивыми названиями, построенные лет десять назад. Старого жилья там почти не осталось. Он не помнил ни одной пятиэтажки.

«Это можно проверить за пять минут», — подумал он и тут же отказался от этой мысли. На работе у него был доступ к трём реестрам, но не к тому, который нужен, и не среди ночи.

Он взял второй лист, ту самую часть с пунктиром, которую обычно отрывают и несут в банк, и поднёс к лампе.

Квитанция была обычной: с серым шрифтом, нечётким штрихкодом и графой внизу: «Подпись плательщика _____ Дата _____». В этой графе тоже что-то стояло.

Он увидел это не сразу. Подпись была не напечатана. Она была сделана настоящей ручкой, синей, шариковой, и сделана давно: чернила глубоко вошли в волокна бумаги и слегка расплылись по краям, как расплываются на бумаге, пролежавшей десятилетия. Но сама бумага была новая, плотная, только что из принтера. Когда он провёл по ней ногтем, на обратной стороне нащупалась вмятина. Пишущий нажимал сильно.

Рядом стояла дата: «13.03.1990».

Он смотрел на неё довольно долго. Потом достал из ящика стола ручку, чистый лист и, не думая, расписался в углу. Один раз, второй, третий. Так, как расписывался в ведомостях, на открытках, на договоре с банком.

Его подпись состояла из заглавной «В» и короткого росчерка. У «В» был дефект, который он приобрёл в девятнадцать лет, на втором курсе, когда сломал правый указательный палец на хоккее и три месяца после этого писал неправильно. Палец срастался криво. Когда гипс сняли, почерк остался другим, и он так и не смог вернуть прежний. Верхняя петля «В» с тех пор не замыкалась. Она обрывалась у самой линии, оставляя крошечный хвостик, похожий на крюк. Эту особенность в паспортном столе когда-то приняли за брак, но менять подпись он отказался.

Он положил свой лист рядом с квитанцией.

Крюк был на месте. Тот же угол наклона, тот же обрыв верхней петли. Та же манера доводить росчерк чуть выше, чем нужно, как будто рука в последний момент сомневалась.

Подпись на квитанции была сделана его рукой, которая в марте тысяча девятьсот девяностого года, на следующий день после его рождения, ещё не могла держать ручку, а палец ещё не был сломан.

Он услышал, как в стояке тонко звякнула труба. Наверху кто-то спустил воду. Лифт загудел, поехал вниз и остановился на их этаже, хотя в этот час никто не должен был возвращаться. Двери разошлись с тихим металлическим вздохом. Андрей сидел не шевелясь, смотрел на бумагу и слушал, как в подъезде никто не выходит из кабины.

Глава 2

К шести утра он перестал делать вид, что собирается спать. Сидел на кухне, пил третью чашку чая и смотрел, как двор за окном из чёрного становится серым. Лифт больше не ездил. Андрей проверил это, выйдя на площадку: кабина стояла на девятом с раздвинутыми дверями, как будто её там бросили на середине погрузки.

Марина встала в семь. Прошла через кухню, не глядя на стол, выпила воды стоя, держа стакан двумя руками, как держат горячее.

— Ты что, не ложился?

— Немного поспал.

— Сегодня я рано. В конце месяца у нас отчёты, — сказала она и ушла одеваться.

Когда он вернулся из ванной, ботинок в прихожей уже не было. На столе лежали квитанция и сопроводительное письмо, и он остановился над ними, не сразу понимая, что именно не так. Он оставлял их веером, один лист наполовину на другом. Теперь они лежали стопкой, углы к углам. Марина не выравнивала бумаги никогда. Она складывала вещи в кучи, которые считала порядком, и сердилась, если их трогали.

Он сфотографировал листы телефоном, сначала общим планом, потом подпись крупно, потом дату. Оригиналы убрал в файл-вкладыш из тех, что носил с собой для работы, и положил в портфель.

* * *

Архив занимал бывшее здание проектного института на Литейной: четыре этажа серого бетона, узкие окна, внутренний двор, где курили сотрудники и стояли два контейнера для макулатуры. Андрей работал здесь одиннадцать лет. Он сидел на втором этаже, в отделе обработки, за столом у окна, выходившего на глухую стену соседнего корпуса, и знал, что кто-нибудь из новеньких обязательно спросит, не мешает ли ему такой вид. Не мешал. На стену можно было не отвлекаться.

В вестибюле он столкнулся с Тихоновым. Начальник отдела держал в руках две папки и пластиковый стакан кофе и умудрялся одновременно смотреть на часы.

— Воронцов. Вы регламент прочли?

— Читаю.

— Двойное разрешение. Не забудьте.

— Не забуду, Геннадий Павлович.

Тихонов кивнул и пошёл дальше, и по тому, как он это сделал, было ясно, что вопрос задан не ради ответа, а чтобы тот, кому он адресован, помнил: за ним следят. Андрей давно научился не обижаться на такие вещи. Это было похоже на погоду.

До девяти оставалось семь минут. Он поднялся на площадку между вторым и третьим этажами, где не было камер, достал телефон и набрал номер с бланка управляющей компании.

Первые четыре минуты с ним разговаривал автоответчик. Потом заиграла мелодия, которую он узнал не сразу, а узнав, понял, что она сыграна на синтезаторе и что исходная вещь была совсем другой. Потом женский голос, быстрый и чуть простуженный, сказал:

— Абонентский отдел, Светлана. Слушаю вас.

Он назвал себя, номер лицевого счёта и адрес. Услышал, как она стучит по клавишам.

— Воронцов Андрей Сергеевич, — сказала она. — Да. Собственник. У вас задолженность, вы получили уведомление?

— Получил. Я как раз по этому поводу. У меня нет этой квартиры. Я никогда не покупал и не получал квартиру по этому адресу.

— Так.

— Мне кажется, это ошибка в базе.

— Я вам сейчас скажу, что у меня в карточке, — сказала Светлана без всякого выражения. — Помещение номер тридцать один, общая площадь сорок семь и три. Право собственности подтверждено договором передачи жилья в собственность от тринадцатого марта тысяча девятьсот девяностого года.

Андрей сел на подоконник. Подоконник был холодный, и холод прошёл сквозь брюки.

— Простите, от какого числа?

— От тринадцатого марта девяностого.

— Приватизация началась в девяносто первом, — сказал он. — Закон о приватизации жилищного фонда приняли в июле девяносто первого. В девяностом году нельзя было ничего передать в собственность. Это даже не ошибка в базе, это ошибка в истории.

— Мужчина, я не юрист, — сказала Светлана. Сказала спокойно, без обиды, как говорят люди, которым каждый день объясняют, как устроен мир. — Я вижу то, что мне показывает система. Основание указано. Если вы считаете, что оно недействительно, нужно подать письменное заявление в претензионный отдел, срок рассмотрения тридцать дней.

— А кто зарегистрирован в квартире?

— Никто. Ноль человек.

— А кто обращался в компанию как собственник? Есть какие-то обращения?

Клавиши снова застучали.

— Последнее обращение — личный приём. Дату система не показывает. Бывает, при переносе данных теряются поля.

— Личный приём, — повторил он.

— Да.

— Что в этом доме обслуживается? Какие системы?

— Стояки, вывоз мусора, домофон, лифтовое оборудование. Две единицы.

Он молчал, и Светлана, видимо, решила, что связь прервалась.

— Алло? Вы меня слышите?

— Слышу. Этажность дома указана?

— Нет, — сказала она, и в голосе её впервые появилось что-то живое, лёгкое недоумение. — Странно, обычно этажность указывают. Не вижу. Я, наверное, не туда смотрю.

— Спасибо, — сказал он. — Я напишу заявление.

Он убрал телефон и некоторое время сидел, глядя на лестничный пролёт. Двое сотрудников прошли мимо, один сказал другому что-то про вчерашний матч. На третьем этаже над перилами тянулась табличка: «Не загромождать». В хранилище гудели вентиляторы. Нормальный рабочий день начинался так же, как всегда.

Ему, как человеку, привыкшему к ошибкам, было легко перечислить, чем это могло быть. База перенесена из другой системы, и при переносе фамилии склеились с чужими адресами. Старая карточка принадлежит однофамильцу. Дата договора набрана с опечаткой, и вместо девяносто третьего получилось девяностое. Это называлось «разумные объяснения», и он умел находить их десятками. Не находилось только объяснения подписи. Её нельзя было перенести из другой системы. Её нельзя было набрать с опечаткой.

Он дошёл до этого места и запретил себе думать дальше. Подпись можно было проверить на оригинале, а не на собственных подозрениях.

* * *

Читальный зал находился на первом этаже, рядом с гардеробом. Андрей бывал там редко: сотрудникам отдела обработки документы выдавали из хранилища напрямую. Но допуска к фондам технической инвентаризации у него не было, а значит, предстояли бланк и разговор с Инной Леонидовной Салтыковой.

Инна Леонидовна сидела за стойкой, сложив руки на закрытом журнале. Ей было около пятидесяти. Она красила волосы в тот каштановый цвет, который почти никогда не бывает настоящим, носила очки на цепочке и, по слухам, пережила трёх заведующих.

— Воронцов, — сказала она, когда он подошёл. — Вы пришли отнимать у меня хлеб?

— Скорее, привёл вам клиента.

— Какого?

— Себя.

Она приподняла бровь, ничего не сказала и выдвинула из-под стойки бланк.

Он заполнял бланк стоя, чувствуя, что она наблюдает. Фонд: БТИ, инвентарные дела. Адрес объекта: Заводской проезд, 14. Цель обращения он написал, не размышляя, — «проверка прав собственности», — и только потом подумал, что формулировка слишком похожа на правду.

Инна Леонидовна взяла бланк, прочитала, потом прочитала ещё раз, уже медленнее.

— Заводской проезд. Это промзона.

— Квартира указана там.

— Квартира может быть указана где угодно, — сказала она. — Дайте я посмотрю картотеку.

Картотека стояла у стены: длинный шкаф из светлого дерева на сорок выдвижных ящиков, давно не нужный никому, кроме тех, кто не доверяет компьютерам. Она выдвинула ящик с буквой «З», двумя пальцами перебрала карточки и остановилась на одной.

— Есть, — сказала она. — «Заводской проезд, четырнадцать». Любопытно.

— Что любопытно?

— Карточка напечатана на машинке. Такие мы перестали заполнять в девяносто четвёртом. Внизу штамп «закрыто». — Она перевернула карточку. — А на обороте пусто. Закрыто в девяносто четвёртом, и без указания причины.

— И что это значит?

— Что мне надо спуститься.

Она исчезла за боковой дверью на двадцать минут. Андрей сел в кресло у окна и смотрел на гардероб, где пожилой гардеробщик в синем халате раскладывал номерки по ящику, раз за разом выстраивая их в одной и той же последовательности. Дважды он садился обратно за стойку и дважды вставал, словно забывал, зачем садился.

Инна Леонидовна вернулась с тонкой серой папкой.

— Дело нашлось, — сказала она. — Но по описи их три тома. На месте один, второй.

— А первый и третий?

— В хранилище значатся, на полке нет. Это бывает, Воронцов, не делайте такого лица. За семьдесят лет документы переезжали из подвала в подвал шесть раз.

Она положила папку на стойку, развязала тесёмки и не открыла.

— Вам привет, кстати, — сказала она.

— От кого?

— От вас. Заявка пришла вчера вечером, без восьми минут двенадцать. Из внутренней сети, с рабочего места номер четырнадцать. Я утром пришла, а она уже висит, и статус «согласовано». Я подняла дело заранее, чтобы не гонять вас по лестницам.

Он не сразу понял, о чём она говорит.

— Какая заявка?

— Ваша. Вы же и подали. — Она развернула к нему монитор. На экране была карточка запроса: номер, заявитель, дата, время. Заявитель: Воронцов А. С. Адрес объекта: Заводской проезд, д. 14. Цель обращения: проверка прав собственности. Отправлено: 25.10, 23:52. Рабочее место: АРМ-14.

АРМ-14 был его компьютером. Столом у окна, выходившего на глухую стену.

В двадцать три пятьдесят две он сидел на своей кухне, под лампой над плитой, и слушал, как в стояке звякнула труба.

— Я ушёл вчера в шесть, — сказал он.

— Охрана не фиксирует, кто остаётся, — ответила Инна Леонидовна. Она смотрела на него поверх очков, и в её взгляде не было ни подозрения, ни сочувствия, одно профессиональное внимание. — Пароль на бумажке под клавиатурой не лежал?

Он ничего не ответил. Лежал. Уже три года.

— Ну вот, — сказала она. — Кто-нибудь из уборщиков. Или из ночной смены. Хотите, подам служебную записку?

— Не надо.

— Как хотите. Читать будете здесь, на вынос не дам. Пятнадцать минут.

Она подвинула к нему папку. На картонной обложке поверх типографского «Дело №» была приписана от руки чернилами, давно выцветшими до лилового, строка: «Заводской пр., 14 / кв. 31 / Воронцов А. С.». Буквы были написаны быстро и сильно, с наклоном вправо, и верхняя петля заглавной «В» не замыкалась. Она обрывалась у самой линии, оставляя маленький хвостик, похожий на крюк.

Андрей смотрел на обложку, пока Инна Леонидовна не кашлянула. Потом поднял голову и увидел, что она тоже смотрит на обложку. Только в её взгляде не было удивления.

Она смотрела на неё так, как смотрят на вещь, которую уже видели.

Глава 3

Папку он не открыл. Сначала спросил:

— Вы узнали обложку?

— Я узнала папку, — сказала Инна Леонидовна. — Серая, картон «Б», таких мы пустили через руки тысячи. А что вы называете «узнала»?

— Вы на неё так посмотрели.

— У меня очки на цепочке, Воронцов. Когда я смотрю на что-нибудь поверх них, это всегда выглядит так, будто я чем-то недовольна или что-то вспомнила. Читайте. Пятнадцать минут уже идут.

Она пересела за свой стол в трёх метрах от него, придвинула журнал и опустила голову. Андрей заметил, что страницы она не переворачивает.

Он раскрыл дело.

Внутренняя опись лежала сверху, на отдельном листе: машинописный текст, поправки тонким пером, внизу итоговая запись «Всего в томе 38 (тридцать восемь) листов». Листы нумеровались карандашом в правом верхнем углу. Андрей привычно перевернул первый, второй, третий, прислушиваясь не к смыслу, а к бумаге. Это была профессиональная привычка, дурная и полезная: сначала спрашивать у документа, сколько ему лет, и только потом, что он говорит.

Бумага была старая. Не «состаренная», а старая по-настоящему: кромка сухая и хрупкая, жёлтая полоса вдоль сгиба, там, где лист годами лежал под давлением соседних. Под скрепками проступала ржавчина, и по характеру пятен было видно, что ржавела она десятилетиями, медленно, прорастая вглубь волокон. Такое подделывают только в кино. Он перебрал ещё несколько листов и перестал искать подделку.

Первым документом в томе был акт.

«АКТ обследования жилого помещения № 14/31. 12 марта 1994 г. Комиссия в составе: представителя ЖЭУ-7 Петренко В. И., техника-инвентаризатора БТИ Лаптевой Г. А., участкового уполномоченного ст. лейтенанта милиции Исмаилова Р. Х. произвела обследование квартиры № 31 дома № 14 по Заводскому проезду в связи с задолженностью по оплате жилого помещения. Владелец: Воронцов А. С., 1990 г. р.».

Он прочитал последние слова дважды. Потом сделал то, что делал всегда, когда документ вёл себя странно: заменил странное на возможное. Девяностый год рождения. В девяносто четвёртом это четырёхлетний ребёнок, у которого не бывает квартиры и долгов. Значит, опечатка. Машинистка перепутала шестёрку и девятку, и получился шестидесятый год: Воронцов Андрей Сергеевич, тридцать четыре года, никому не известный однофамилец, владелец тридцать первой квартиры. Пронумерованный, оформленный, подшитый человек, у которого, к несчастью, совпали со мной фамилия, имя и отчество.

Объяснение было хорошее. Андрей даже почувствовал облегчение, как чувствуют его, когда в чужом отчёте находят ошибку, которая объясняет весь сбор расхождений.

Он читал дальше.

Дверь обследуемого помещения не вскрывалась ввиду отсутствия санкции. Визуальный осмотр производился с лестничной площадки. На звонки никто не ответил. Из-за двери слышен звук работающего радиоприёмника, ощущается запах приготовленной пищи. На коврике перед дверью лежат свежие газеты, три штуки. «Комиссия пришла к выводу, что помещение является жилым, а владелец в настоящее время находится в нём, но от контакта уклоняется».

Ниже, другим почерком и другой пастой, было приписано: «Радио играло одну и ту же песню. Лаптева».

— Это не по форме, — сказал Андрей вслух.

— Что? — не поднимая головы, спросила Инна Леонидовна.

— В акте приписка техника. По форме такого не должно быть.

— Девяносто четвёртый год, — сказала она. — Тогда по форме было не должно быть ни зарплаты, ни света.

Он перевернул лист.

Заявление владельца о перерасчёте, март девяносто четвёртого, два листа. Текст был напечатан, но подпись внизу стояла живая, и дата рядом с ней: «11.03.94». Подпись выглядела так, как будто её поставил он сам. Верхняя петля заглавной «В» обрывалась у линии крючком.

Он знал, что должен испытать что-то определённое. Страх, раздражение, хотя бы тот же азарт, что приходит над неправильным документом. Вместо этого он почувствовал усталость. Как будто его в который раз заставили объяснять то, что он давно объяснил.

Дальше шли показания соседей. Листы четырнадцатый и пятнадцатый были подписаны женщиной из тридцатой квартиры: Колесникова З. Н., пенсионерка. Она рассказывала, что жильцы тридцать первой «тихие, никого не водят», что свет у них горит по ночам, а днём они не выходят, и что фамилии на почтовом ящике она не читала, потому что «зачем».

Потом на листе шестнадцатом не было ничего, кроме бумаги.

Это был не чистый лист, а лист-заместитель, обычная картонка в серой обложке, какие вкладывают, когда документ изъят из дела. Но все такие вкладыши он знал наизусть: типовая форма, печать, подпись, основание изъятия, дата. Здесь на картонке стояла одна строка, сделанная шариковой ручкой, свежей, чёрной, ещё не выцветшей: «Лист 16 направлен на реставрацию».

Ни печати. Ни даты. Ни подписи.

— Инна Леонидовна.

— Да.

— Лист шестнадцатый направлен на реставрацию. Когда?

Она подняла голову. Лицо у неё было ровным, и только пальцы на журнале сжались чуть плотнее.

— Не помню, Воронцов. Давно. Там бумага рассыпалась.

— Ручка у записи свежая.

— Значит, вкладыш поменяли. У нас иногда меняют вкладыши, когда старые разваливаются.

— Заявка на дело пришла вчера вечером. Вы подняли его утром. Вкладыш менять было некогда.

— Он у меня давно лежал отдельно, — сказала она. — Я сегодня вложила, перед тем как отдать вам. Хотите служебную записку?

— Я у вас уже одну отказался, — сказал Андрей.

Она слабо улыбнулась. Улыбка была чужой, как перчатка не по размеру. Он понял, что она лжёт, потому что слишком гладко ответила на второй вопрос и слишком слабо на третий. Он не понимал только зачем. Это был человек, который одиннадцать лет подсовывал ему справки в обход очереди и ни разу не задал вопроса, не относящегося к делу.

Он не стал настаивать. Ему оставалось двенадцать минут. Он решил, что вернётся к шестнадцатому листу позже, а пока перешёл к семнадцатому.

Это было продолжение показаний, но другого человека: мужчина, водитель, вторая квартира на этаже выше. Фамилия расплылась. Говорил он обстоятельно и скучно, как рассказывают то, что рассказывали уже много раз: что жильцов тридцать первой видел дважды, один раз на лестнице, другой раз во дворе у мусорных баков, что человек один, лет тридцати пяти, высокий, тёмные волосы, в куртке какого-то серого цвета, который «никакой».

Ниже шло: «Особые приметы: небольшой шрам над правой бровью. Рассказывал, что в детстве упал с лестницы».

Андрей сидел с листом в руке и не двигался.

У него был шрам над правой бровью. Тонкий, белый, длиной в два сантиметра, который он замечал только в зеркале, когда брился. Мать говорила, что он упал в детстве с велосипеда. Он этого не помнил. Он вообще не помнил, откуда этот шрам. Не помнил, больно ли было, плакал ли, кто увёз его в больницу и в какую. Это была одна из тех мелких пустот в его памяти, к которым он давно перестал прикасаться.

Он поднял руку и, сам того не желая, провёл большим пальцем по брови. Шрам был на месте. Гладкий, чуть приподнятый, холодный от того, что рука только что держала старую бумагу.

«Лестница», — подумал он, и мысль оказалась не его, а чужой, как строчка, написанная на полях чужим почерком. Мать сказала: велосипед. Здесь написано: лестница. Двоим людям никогда не бывает одинаково рассказано о детстве.

Инна Леонидовна не шевелилась за своим столом. Журнал под её руками так и остался закрытым.

Глава 4

Дело ему пришлось вернуть через двенадцать минут. Он успел сфотографировать акт, заявление и лист семнадцатый, и Инна Леонидовна, которая не могла не слышать щелчков, ничего не сказала. Пока она завязывала тесёмки, он спросил про первый и третий тома ещё раз, и она ответила так же ровно, как в первый: на полке нет, в описи значатся, будет время, поищет. Он поблагодарил. Она кивнула. Больше они друг на друга не смотрели.

На втором этаже за его столом никто не сидел. Он проверил это глупо и всерьёз: стул стоял там, где он его оставил, клавиатура лежала под тем же углом, лист с паролем по-прежнему был подсунут под её край. Андрей вынул его, посмотрел и положил в карман. Потом зашёл в систему и открыл журнал входов.

Последний вход под его учётной записью: 25.10, 23:41. Выход: 23:58. Тип сессии: локальная.

Костя из технической поддержки пришёл через десять минут, жуя бутерброд, и с интересом прочитал то, что Андрей ему показал. Костя был молодым человеком с аккуратной бородкой и привычкой смотреть на чужие экраны как на личное оскорбление.

— Локальная, — сказал он. — Это значит, что кто-то физически сидел перед машиной. Если бы удалённо, было бы написано «удалённая».

— Может быть, кто-то подключился через сеть.

— Тогда была бы удалённая, — терпеливо повторил Костя. — Андрей, я не знаю, что вы хотите услышать. Кто-то посидел за вашим компьютером с одиннадцати сорока одной до без двух двенадцать, подал одну заявку и вышел.

В журнале охраны за ночь значился уход уборщицы в двадцать два ноль-ноль и больше ничего. Дежурный, мужчина с усталым лицом и газетой, сказал, что в здание никто не входил и никто не выходил, потому что он бы это записал. Андрей спросил, не мог ли кто-то остаться с вечера. Дежурный подумал и сказал, что мог бы, если бы прятался. Прятаться в здании, где пахнет мышами и клеем, никому не приходило в голову.

К обеду он перестал искать. Это был способ, которым люди перестают бояться: не победить, а утомить.

* * *

Во дворе курили двое из хранилища. Он обошёл их, встал у контейнеров, где вьющаяся лоза на стене превратилась в чёрные верёвки, и набрал номер, который не набирал с августа.

Мать ответила после седьмого гудка. На заднем плане говорил телевизор, голос ведущего звучал бодро и бессмысленно.

— Андрюша. Что случилось?

— Почему обязательно «что случилось»?

— Потому что ты звонишь днём, в будни, — сказала Нина Алексеевна. — Ты раньше так не делал.

— Я не делал так никогда?

— Я не это имела в виду. Подожди, я звук убавлю.

Телевизор стал тише, но не замолчал. Андрей представил себе её квартиру: тёмный коридор, плюшевую накидку на диване, тюлевую занавеску, сквозь которую виден двор с качелями, где никто давно не качается. Он не был там с августа и вспоминал её каждый раз так, будто боялся, что при следующем визите не найдёт чего-нибудь на месте.

— Мам, вопрос странный.

— Я слушаю.

— Откуда у меня шрам над бровью?

— Я тебе говорила. Ты с велосипеда упал. Тебе было пять, на Блинова, во дворе. Там мальчик из третьего подъезда тебя подрезал.

— На велосипеде.

— Да.

— А не с лестницы?

Она молчала. Секунд пять, не больше. Телевизор успел за это время сказать что-то про погоду.

— Какой лестницы? — спросила она.

— Я просто спрашиваю.

— С какой лестницы, Андрей? Ты упал с велосипеда. Тебя отвезли в травмпункт, наложили три шва, ты плакал, а потом ел мороженое. Я помню, как будто вчера.

Она говорила спокойно, и то, как гладко пошли слова, ему не понравилось. Он слишком хорошо знал это ощущение: на работе так звучали ответы тех, кто заранее знал, о чём спросят.

— Мам. Мы когда-нибудь жили на Заводском проезде?

— Нет.

Она сказала это сразу, не дав ему закончить слово «проезде».

— Это где?

— В городе. На юго-востоке. Мне пришла квитанция.

— Какая квитанция?

— Ошибка, наверное. Просто фамилия, имя, отчество совпали.

— Конечно, ошибка, — сказала Нина Алексеевна. — Бумаги. У вас там вечные ошибки, ты сам мне рассказывал. Не обращай внимания. Выкинь.

Слова «выкинь» он слышал сегодня второй раз.

— Мам, мне тридцать шесть лет, а я не помню, как выглядела наша квартира на Блинова.

— Ты был маленьким.

— Мне было девять, когда папа умер. Девять. Я должен помнить хотя бы похороны.

— Ты не должен ничего, — сказала она. — Андрюша, ты ходил к врачу. Ты сам мне говорил, что он объяснил. Это нормально. Это защита. Не надо туда лезть. Там ничего хорошего.

— Куда лезть?

— В прошлое. Ты где сейчас?

— На работе.

— Ты один?

— Мам, я во дворе у контейнеров. Какая разница?

— Приезжай на праздники, — сказала она вдруг мягко, так мягко, что в этом была какая-то усталая беспомощность. — Приедешь с Мариной, я пирог сделаю, посидим, всё расскажу. Только не по телефону.

— Что именно расскажешь?

— Всё, что захочешь. Мне пора, у меня сейчас начнётся. Целую.

Она повесила трубку. Он стоял, держа телефон у уха, пока его не накрыл гудок, и в нём тоже было что-то отвлечённо-домашнее, потому что гудки у матери, как и всё остальное, никогда не менялись. Он считал, что знает мать. Она была сильной, злой на своё одиночество женщиной, которая умела отказываться от неприятных тем так же, как другие отказываются от десерта. Но он никогда не слышал, чтобы она отвечала на вопрос раньше, чем он был задан.

* * *

Домой он вернулся в начале девятого. Марина уже была там. В прихожей стояли её ботинки носками к двери, как обычно, и этой маленькой возвращённой нормальности он почему-то обрадовался больше, чем следовало бы.

Она сидела на кухне, перед ней стояла чашка с остывшим чаем, а рядом на клеёнке лежал телефон экраном вниз.

— Ты сегодня что-то поздно, — сказала она.

— Работал.

— Понятно.

Он сел напротив. Он хотел сказать про шрам и не знал как. Вместо этого сказал:

— Я ходил в архив. В читальный зал.

Марина опустила глаза на чашку.

— Нашёл что-нибудь?

— Дело на эту квартиру. Девяносто четвёртый год. Там есть акт обследования, и в нём написано, что владелец Воронцов А. С. Там же приметы того, кто в ней жил. Высокий, лет тридцати пяти. Шрам над правой бровью.

Он ждал, что она скажет «совпадение». Или «ну и что». Или «давай ужинать».

Она подняла руку, протянула через стол и осторожно, самыми кончиками пальцев, коснулась его брови. Он не вздрогнул, но почувствовал, что хочет отстраниться, и не отстранился.

— Ты никогда не рассказывал мне, откуда он, — сказала она.

— Мама говорит, с велосипеда.

— Ты спрашивал у мамы?

— Сегодня.

— Зачем?

— Потому что там написано «лестница».

Марина убрала руку. Движение вышло не резким, но завершённым, как будто она что-то решила и теперь возвращала себе право на это решение.

— Андрей, — сказала она. — Я не прошу тебя бросить это. Я знаю, что ты не бросишь. Я прошу об одном: не езди туда один.

— Куда?

— Куда бы там ни пришлось ехать. На этот адрес.

— А почему не один?

— Потому что ты упрямый, и если там что-то не так, ты полезешь первым.

— Если что не так, Марин? Там всё будет ровно так, как есть. Пустырь, склады, администратор в будке.

— Ты не знаешь, что там.

— И ты не знаешь.

Она ничего не ответила. Встала, помыла чашку, вытерла руки о полотенце. Потом сказала, не оборачиваясь:

— Я спать.

* * *

Он остался на кухне. Достал из портфеля файл-вкладыш, вынул листы и разложил их под лампой, потому что именно так лежала бумага вчера. Ему хотелось увидеть её ещё раз, не потому, что что-то рассчитывал найти, а потому, что документ в руках успокаивал так же, как успокаивает ключ в кармане.

Сопроводительное письмо, подпись Гайнутдиновой, печать. Квитанция, лицевой счёт 0003114-7, площадь 47,3. Его подпись и дата: 13.03.1990.

Он дошёл до строки «Количество зарегистрированных» и остановился.

Там было написано: «1».

Он встал, взял телефон, открыл утреннюю фотографию. Увеличил. Строка была той же самой, тем же серым шрифтом, но стояла в ней цифра «0». Он увеличил ещё сильнее, чтобы убедиться, и разглядел даже зернистость принтера вокруг нуля.

Потом положил телефон рядом с бумагой. На экране был нуль. На бумаге была единица. Заглавные буквы, поля, пунктир, пятно от его собственного пальца в левом нижнем углу, где он держал лист утром, совпадали до миллиметра. Не совпадала одна цифра.

Он долго сидел, прислушиваясь к дому. Где-то выше хлопнула дверь. Лифт, который до этого пролежал целый день на девятом этаже, зажужжал и пошёл вниз.

Глава 5

Утром Марине он ничего не сказал ни про единицу, ни про мать. Он сварил кашу, съел свою половину, вымыл тарелку, и когда она, одеваясь в коридоре, спросила: «Ты сегодня опять поздно?» — ответил: «Не знаю, посмотрим». Это была не ложь, а заготовка лжи, и он знал, что к вечеру придётся её использовать.

На работе он первым делом открыл оцифрованный фонд городских планов. В архиве их хранилось несколько тысяч, отсканированных ещё в начале двухтысячных, с плохим разрешением и пятнами от самого сканера, но с точной привязкой к улицам. Он нашёл район, который искал, и просмотрел план за 1962 год, за 1978-й, за 1991-й. Потом ещё два, ведомственных, один составленный для газовой службы, другой для водоканала.

Заводской проезд существовал на всех. Это была короткая прямая дорога вдоль железнодорожной ветки, по обе стороны от неё штриховкой обозначались склады и подсобные участки. На месте дома четырнадцать значилась пустая клетка с пометкой «зап. уч.», запасной участок. Он увеличил её до предела, до зерна, но жилой застройки там не было ни в одном из годов.

Он распечатал листы, свернул их в трубку и убрал в портфель. В обеденный перерыв отправил Марине сообщение: «Задержусь, не жди». Ответ пришёл через минуту: «Ладно». Раньше она писала «хорошо» или «ок». Это «ладно» он перечитывал, пока не остыл кофе.

* * *

Добираться пришлось полтора часа: метро до конечной, потом автобус, который шёл по такому кругу, что дважды подъезжал к одному и тому же универмагу. Когда Андрей вышел на нужной остановке, начинало темнеть. Не стемнело, а именно начинало: небо над складами выцвело до цвета застиранной простыни, и в нём уже висели две-три невыразительные звезды.

Место было таким, как он помнил по редким случайным поездкам: бетонные заборы, на которых чёрным распылителем кто-то писал одни и те же три слова, ряды гаражей, у ворот одного из них стоял человек в спецовке и ничего не делал. Дальше начинались новые кварталы. Он знал их по рекламе на остановках: «Парковый» и «Серебряный берег», два комплекса по шестнадцать этажей, светлый фасад и тёмный фасад, между ними детская площадка и дорога, на которой ещё не успели положить окончательный асфальт.

Заводской проезд начинался за гаражами и тянулся между этими двумя кварталами, как шов. Андрей шёл вдоль него по правой стороне, читал таблички на домах и, как человек, который сто раз сверял номера в описях, механически считал: десять, двенадцать. Двенадцатый был складом, и номер на нём написали мелом. После двенадцатого стоял «Серебряный берег», его адрес числился по другой улице, а в проезд выходил глухой торец, на котором висела табличка «16».

Между двенадцатым и шестнадцатым был промежуток метров в семьдесят.

Он остановился. Прошёл туда и обратно ещё раз, сверяясь с телефоном. Навигатор показывал синюю точку на самой кромке участка, обведённого пунктиром, и подпись: «Заводской проезд, 14». Подпись в телефоне была. Участок существовал. Он даже имел форму: неправильный четырёхугольник, ограждённый с двух сторон бетонными плитами, с третьей забором из профнастила, с четвёртой, в сторону проезда, открытый.

Внутри не было ничего.

То есть не совсем ничего. Там росла жёсткая октябрьская трава, жёлтая и потрёпанная, поверх неё лежали куски старого пластика и намокший картон, торчал куст чего-то колючего. У забора навалили кучу строительного мусора, и среди неё Андрей увидел зелёную пластико-

вую канистру и половину кухонной раковины. В центре земля слегка вздымалась, как будто когда-то там закопали что-то большое и плохо утрамбовали. Это было обычное запасное пространство между двумя стройками. На нём никто не жил, никто не собирался жить и, судя по всему, не жил никогда.

Он заставил себя пройти по периметру. Это была своего рода дисциплина: осмотреть до конца, прежде чем делать выводы. Забор был старым, жестяные листы разошлись в местах креплений, за ними виднелся тот же участок. Плиты слева лежали на толстом слое щебня, который успел зарасти. Ни фундамента, ни следов строительства. Ни кирпичной крошки, ни арматуры, ни остатков коммуникаций. Дом такого размера, девять этажей, как предполагала хоть какая-нибудь из логик, не мог исчезнуть, не оставив после себя яму или хотя бы кучу.

Во дворе «Парковый» стояла будка охраны, а в будке сидел мужчина лет пятидесяти и смотрел сериал на планшете, поставленном на подставку из двух кирпичей.

— Здравствуйте, — сказал Андрей. — Я ищу дом четырнадцать по Заводскому. Тут рядом.

— Четырнадцать? — охранник не оторвался от экрана. — Это пустырь. Он у нас на балансе не числится, мы только до забора.

— А раньше там что-нибудь стояло?

— Здесь? — Он наконец посмотрел на Андрея. — Мужчина, этому кварталу девять лет. Я здесь с первого дня. Когда мы заезжали, там уже был пустырь.

— А до вас?

— До нас там были склады какие-то. Или не склады. Не знаю, я не местный. — Он снова повернулся к планшету. — Спросите у бабушек, они вечно сидят на лавочке.

Они и правда сидели: две женщины в тёмных пальто под навесом у входа в «Серебряный берег», одна с палкой, другая с хозяйственной сумкой на колёсиках. Они разговаривали негромко, и когда Андрей подошёл, одна из них, с палкой, вежливо замолчала, как замолкают люди, привыкшие, что их спрашивают о дороге.

— Извините, — сказал он. — Вы давно здесь живёте?

— Двадцать пять лет, — сказала женщина с сумкой. — Раньше в другом районе, а потом дочь купила, и я к ней. А что?

— Хотел спросить про пустырь рядом. Не помните, был ли там когда-нибудь дом?

— Дом? — Она перевела взгляд на подругу. — Нина, там был дом?

— Какой дом, — сказала Нина. — Там ничего не было.

— Подожди, — сказала женщина с сумкой, и лицо её приняло то выражение, которое бывает у людей, когда они пытаются вспомнить слово, вертящееся на языке. — Там было что-то. Магазин… нет. Нет, не магазин. Я помню, что мы туда за чем-то ходили. Тётя Люда у нас жила напротив, она туда ходила. Или не она.

Она замолчала, пошевелила губами.

— Нет, ерунда, — сказала она. — Там пустырь. Всегда был.

— Вы только что сказали, что ходили туда.

— Разве? — сказала женщина с сумкой и подняла на него светлые, безмятежные глаза. — Я ничего такого не говорила.

Его пробрал не страх. Андрей испытал то, что мог бы испытать архивист, обнаруживший, что последний лист дела исчезает с каждым разом, когда он его перелистывает: сначала профессиональную злость, а потом, глубже, невыносимо тихое понимание, что документ не пропал, а был подправлен. Кто-то умело и аккуратно стёр запись в уголке, чтобы она не мешала остальным.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Вы бы шли, молодой человек, там скоро собаки бегать будут.

* * *

Он ещё раз обошёл участок, теперь уже в сумерках, со вспышкой телефона. Свет у фонарей на проезде был жёлтый и ровный. На пустыре он превращался в тусклое пятно, и трава в нём казалась серой.

Его остановило не то, что он увидел, а то, чего не увидел. Три круга по периметру он прошёл по траве, и везде трава стояла не примятой: ни собачьих троп, ни следов шин, ни пивных бутылок, которые оставляют на каждом пустыре, как конфетти. Участок, обросший мусором, был чище любого двора. Только по диагонали, от угла у шестнадцатого дома к центру, тянулась узкая тропа. Тропа была хорошо утоптана, почти вытоптана, как те, что остаются, когда по одной линии ходят годами, и вела в середину пустыря, туда, где земля вздымалась.

Он пошёл по ней.

Тропа обрывалась у невысокого бетонного возвышения, три на три метра, поросшего мхом по краям. Сначала Андрею показалось, что это остатки плиты. Потом он различил ступени, три, широкие, низкие, с расколотыми кромками. Они вели вверх, на площадку, откуда должна была начинаться дверь. Двери не было. Была ровная бетонная поверхность, на которой стояла лужа.

Справа от ступеней из земли торчал железный столб, ржавый, согнутый, как стебель. К нему был привинчен прямоугольный пластиковый короб размером с книгу. Он наклонился. Это была панель домофона. Сорок шесть кнопок в шесть рядов, по восемь в ряду, и в последнем ряду, в самом конце, ещё две. Он пересчитал дважды. Сорок шесть. Не сорок семь.

Кнопки были серыми от пыли и времени, на них нельзя было различить цифр. Все, кроме одной. Тридцать первая блестела: пластик на ней стёрся и стал почти прозрачным, как стираются клавиши у старых пианино от одного и того же пальца.

Он не собирался этого делать. Он просто поднёс руку, чтобы потрогать, и коснулся кнопки подушечкой большого пальца.

Она была тёплой. В десяти градусах октябрьской темноты, на железном столбе посреди пустыря, пластиковая кнопка была тёплой, как будто до него на ней долго держали палец.

Глава 6

Домой он вернулся в одиннадцатом часу. Свет в квартире не горел. Марина лежала на боку, лицом к стене, и когда он лёг рядом, не повернулась, не спросила, где он был. Он почти желал, чтобы она спросила. Тогда можно было бы соврать, и это оказалось бы проще, чем молчать.

Он долго смотрел в потолок, где от фонаря во дворе лежал неровный жёлтый прямоугольник, и перебирал в голове короткий список того, что знал наверняка. Такого списка у него никогда не было короче. Подпись, которая не могла быть его. Дело, подшитое тридцать два года назад. Шрам. Тропа к бетонным ступеням. Тёплая кнопка. Каждое из этих обстоятельств по отдельности допускало обыденное объяснение. Вместе они образовывали то, что на работе называлось «массивом»: слишком много совпадений, чтобы их можно было считать случайными, и слишком мало фактов, чтобы признать закономерность.

К трём ночи он уснул и проспал будильник.

* * *

Инна Леонидовна поднялась на второй этаж в девять сорок. Он понял, что это она, ещё до того, как увидел, по запаху: табак и мятная жвачка, которой она пыталась его заглушить. Она никогда не приходила в отдел обработки. Сотрудники читального зала считали ниже достоинства подниматься на этаж, где обрабатывали документы, а не выдавали их.

Она остановилась у его стола. В руках у неё был плотный коричневый конверт формата А4, какие использовали для фотографий, и она держала его двумя руками, прижимая к груди, как книгу.

— Воронцов, — сказала она негромко. — У вас есть минута?

— Есть.

— Не здесь.

Они спустились на лестничную площадку между этажами, ту самую, где он вчера звонил в управляющую компанию. Она огляделась, убедилась, что на пролёте никого нет, и протянула ему конверт.

— Я два дня думала, показывать вам или нет, — сказала она. — Решила, что не имею права не показать. Но имейте в виду: я вам ничего не передавала. Лежало не в том альбоме. Бывает.

— Что это?

— Альбом двести двенадцать, фотофонд, «Новостройки окраин, восемьдесят девятый — девяносто первый». Я искала в нём по другой причине, не из-за вас. Но наткнулась. — Она поправила очки. — Я не знаю, что вы там увидите. Я видела то, что видела. Если вам покажется, что я в этом участвую, вам покажется неправильно. Я не участвую. Я просто тоже работаю с бумагой.

Она пошла вниз, не дожидаясь ответа. На третьей ступеньке остановилась.

— Рассматривайте при дневном свете, — сказала она. — На работе, у окна. Не дома.

* * *

Фотография лежала в конверте между двумя листами кальки. Чёрно-белая, формат восемнадцать на двадцать четыре, на толстой матовой бумаге, какая в конце восьмидесятых шла на бытовые и производственные отпечатки. По краям — белое поле с оттиском лаборато-

рии: «Фотолаборатория Горисполкома. Заказ № 1147». Он положил её на стол, под лампу, и некоторое время просто смотрел, не позволяя себе рассматривать.

Это был дом.

Он стоял на фоне серого, плоского, сплошного неба, снятый с проезжей части так, что виднелся угол асфальта в нижней части кадра и край покосившегося столба. Кирпичный, девятиэтажный, с одним подъездом и плоской крышей, на которой торчала какая-то решётка и антенна. Дом выглядел так, как выглядели сотни таких домов: тёмные от дождя швы, балконы с обшарпанными ограждениями, на одном сушилось бельё. Единственное, что отличало его от остальных, то, что Андрей не мог бы вспомнить ни одного такого же в городе. Эти дома строили небольшими сериями в конце пятидесятых, и в окраинных районах почти все давно снесли. А этот стоял на фото на месте пустыря между «Парковым» и «Серебряным берегом». Он узнал изгиб проезда, и даже тот столб.

На обороте шариковой ручкой была сделана подпись: «Заводской пр., 14. Общий вид с северо-запада. Фот. Н. Ермаков». И ниже, фиолетовым штампом, расплывшимся и неровным: «13 марта 1990».

Он перечитал дату трижды. Тринадцатое марта. День после его рождения. Дата на квитанции. Дата рядом с подписью, которую сделала рука, ещё не умевшая держать ручку.

Он перевернул фотографию и впервые заставил себя смотреть на окна.

Окон было много, больше сорока, и он начал с нижнего ряда, методично, слева направо, как читают текст. Занавески, пустые стёкла, на втором этаже кошка на подоконнике. На четвёртом форточка нараспашку. И на пятом, четвёртое окно слева, в окне стоял человек.

Сначала это был просто тёмный вертикальный объём, плотнее, чем остальные тени в проёме. Он поднёс к фотографии лупу, потом отложил её и пошёл к сканеру, который стоял в соседней комнате, настроенный на фонды предельного разрешения. Отсканировал снимок в двенадцати сотнях точек на дюйм и вывел файл на большой монитор.

На двенадцати сотнях окно заполнило экран.

Это был мужчина. Он стоял вплотную к стеклу, держась одной рукой за край занавески и сдвинув её в сторону, чтобы лучше видеть улицу. Освещение было ровным, дневным, без бликов, и стекло, видимо, помыли недавно: на нём не было ничего, кроме отражения неба. Лицо смотрело вниз, на проезд, прямо в объектив. Мужчине было лет тридцать пять, не больше и не меньше.

Он знал это лицо, как знают собственную руку, не глядя. Скулы, посадка глаз, неровная складка на лбу, которую мать называла «Серёжиной». Линия челюсти. Волосы, зачёсанные назад так, как он сам их зачёсывал.

На этом можно было остановиться, и он остановился. Но ещё не поверил.

Он сел за стол и разложил рядом три вещи: паспорт, распечатку своей фотографии с пропуска и увеличение лица из окна. Потом, как поступил бы в любом сомнительном случае, ради которого его пригласили бы в качестве эксперта, он оставил общее впечатление и перешёл к частностям.

Лоб. Совпадал. Брови, левая чуть выше правой. Совпадало. Над правой бровью, там, где кожа сходилась в тонкий белый рубец, был шрам: даже на старой плёнке, даже на сканере, даже в этом зерне его нельзя было принять за царапину.

Ухо. Это была последняя проверка, которой он научился в экспертной практике, когда архив подряжали устанавливать личность по неподписанным снимкам. Форма ушной раковины индивидуальна, как отпечаток пальца. У него правое ухо чуть выше левого, и у верхнего края завиток раковины не замыкается, а как будто срезан, оставляя крошечную выемку. Он нашёл на экране ухо мужчины в окне и приложил к нему на мониторе распечатку со своим. Выемка встала на выемку.

Он отодвинулся от стола и некоторое время сидел, не двигаясь, чувствуя, как в соседней комнате ровно гудит вентилятор сканера. Первая мысль была рациональной: близнец. Он перебрал её и отбросил. У него никогда не было ни брата, ни сестры, и родители, как рассказывала мать, ждали его долго. Вторая мысль: монтаж. Но он только что держал оригинал и знал, что эмульсия на нём цельная, без следов вторичной печати, а стекло в окне отражало то же небо, что и вся остальная плоскость. Третья: он сам. Но человек в окне стоял в доме, которого нет, за тридцать шесть лет до того дня, когда Андрей получил квитанцию, и стоял в нём, будучи в точности его возраста.

Он вспомнил, что говорила Инна Леонидовна: «Рассматривайте при дневном свете». Она сказала это не про фотографию. Она знала, что на ней увидит любой, кто знаком с этим лицом.

Мужчина в окне не улыбался и не торопился. Он смотрел на фотографа с тем выражением, которое Андрей раньше принимал за свойство собственного характера: внимательное, чуть усталое, ждущее. Так смотрят на человека, которого давно ждали и в чьём приходе не уверены.

ЧАСТЬ II. ЖИЛЬЦЫ

Глава 7

В четверг к ним без предупреждения нагрянула Оля.

Марининой сестре было тридцать четыре, она работала медсестрой в детской поликлинике на Парковой и обладала редким даром входить в чужую квартиру так, словно её только что оттуда выставили и она вернулась доспорить. Звонок прозвучал в половине седьмого, за ним ещё два, нетерпеливых, потом голос из-за двери: «Я знаю, что вы дома, у вас свет».

— У меня кран, — объявила она с порога, стряхивая с плеч мокрый плащ. — Я вызвала сантехника, он сказал, что придёт в субботу, я сказала, что в субботу у меня будет потоп. Мишку девать некуда, мы поживём у вас до утра. Привет, Воронцов. Ты опять похудел.

— Здравствуй, Оля.

— Дядя Андрей! — Из-за её ноги вывернулся мальчик лет шести, в куртке, застёгнутой на одну пуговицу, и вцепился ему в колено. Под мышкой он держал плюшевого ежа, облезлого, с оторванным глазом-бусиной и треугольной заплаткой на боку. — Смотри, он поправился!

— Вижу, — сказал Андрей. — Прямо стал шире.

Ежа он подарил Мише на трёхлетие. Выбирал минут двадцать в детском отделе, перебирая жирафов и медведей, и купил именно его, хотя продавщица предлагала более дорогого, с музыкальной кнопкой. Потом Марина спросила, почему ёж, и он не нашёлся с ответом. Просто понравился. Просто показалось, что этому надо быть у кого-то дома.

Ужинали на кухне вчетвером, тесно, с локтями. Оля рассказывала про поликлинику, и Андрей слушал вполуха, как слушают радио: приятно, что говорят, не обязательно разбирать слова. Шестилетние дети в её рассказах простужались, падали с горок и объясняли врачам, что у них ничего не болит, потому что они «уже поправились». Марина смеялась. Он впервые за неделю видел, как она смеётся: быстро, коротко, прикрывая рот ладонью, как смеялась в первые годы, когда ещё стеснялась щербинки между передними зубами.

С этой кухней у него были связаны хорошие вещи, и он почти забыл об этом. Прошлым летом, в день рождения Оли, он ляпнул за столом дурацкую шутку про её бывшего мужа. Сказал, что тот, наверное, ушёл не из-за характера, а из-за кранов, потому что человека, который чинит кран раз в месяц, в конце концов начинают подозревать в сговоре с водопроводом. Оля засмеялась первой. Марина не разговаривала с ним три недели. Потом пришла, молча положила на стол ключи от дачи, и он понял, что прощён. Они так и не обсудили это ни разу.

— Рисовать будем? — спросил Миша, когда тарелки опустели.

Он рисовал всегда, везде и на всём, что не успевали убрать: на чеках, на обороте квитанций, на салфетках. Марина принесла ему стопку чистой бумаги из принтера и коробку фломастеров, у которых половина была высохшей. Миша высыпал их на клеёнку и, высунув кончик языка, принялся за дело.

Андрей смотрел на него через стол и пил чай. Чёрный, без сахара. Оля рядом что-то рассказывала Марине, понизив голос, и обе то и дело поглядывали на ребёнка, как поглядывают на кастрюлю, которая вот-вот закипит.

— Это что? — спросил он, когда мальчик придвинул к нему лист.

На листе был дом. Высокий, с одним подъездом, нарисованный по-детски, почти квадратом, но с поразительной дотошностью в мелочах. Окна в шесть рядов, у каждого окна занавеска, у каждой занавески своя форма. Крыша с антенной. Два лифта, обозначенных двумя прямоугольниками слева от двери. Над одним стрелка вверх, над другим вниз. На пятом этаже,

четвёртое окно слева, в окне стоял человек: тёмная палочка с кружком вместо головы и поднятой рукой.

— Это дом, — сказал Миша.

— Чей?

— Не знаю. Он мне снился. — Мальчик взял жёлтый фломастер и тщательно обвёл окно с человеком. — А это дядя. Он машет.

— Кому машет?

— Тебе, наверное. — Миша пожал плечами с серьёзностью человека, констатирующего очевидное. — Он на тебя похож. У него вот тут, — он ткнул пальцем в собственную бровь, — тоже царапина.

В кухне стало тихо. Андрей не заметил, как Марина встала. Она взяла рисунок так быстро и спокойно, что со стороны это выглядело заботой, и сказала ровным голосом: «Красиво, Мишка, просто потрясающе. Давай теперь нарисуем что-нибудь весёлое. Пойдём руки мыть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.